

3. Враг

Враг, или вредитель, играет существенную роль в мифологическом мышлении как антагонист героя³⁶. Согласно К. Г. Юнгу, проблема врага связана с механизмом проекции. Юнг исходит из архетипа тени, который охватывает скрытые невыгодные свойства личного бессознательного, неприемлемую, «темную» сторону личности, которая в процессе созревания личности должна быть интегрирована. В противном случае подавленное бессознательное содержание психики может разрядиться в мощных иррациональных проекциях.

Проекция как экстернализация внутренних конфликтов играет большую роль в политической жизни, и логика паранойи лежит в основе всех клише о враге³⁷. Политическая пропаганда в значительной степени состоит в формулировке и распространении таких проекций³⁸. Враждующие между собой группировки видят зло всегда у другого. «Противника просто упрекают в собственных неосознанных ошибках»³⁹. При этом «страх, который мы невольно испытываем перед собственным злом, переходит к противнику»⁴⁰. Чем сильнее вытеснение тени, тем мощнее и опаснее проекция. У участников политической борьбы как раз и наблюдается потребность иметь и создавать себе врагов. Ведь игнорирование собственных слабостей и неполноценностей избавляет от необходимости их исправлять.

Если в коллективной психике подавление тени и связанные с этим проекции становятся слишком сильными, тогда возникает общество, которое «неизбежно ищет конфликта и саморазрушения»⁴¹. В таком случае психические содержания не только приобретают «характер реальности, но отражают конфликт в мифологически увеличенной или примитивно-архаически огрубленной форме»⁴².

Такое «всплывание» архаических проекций можно наблюдать в тоталитарных культурах, где снимается разграничение между действительным и абсолютным врагом⁴³. В сталинский период возникает понятие «объективного противника»⁴⁴, который определяется как объективная опасность для государства независимо от его субъективных намерений, планов и действий. Объем этого понятия меняется в зависимости от ситуации, причем сохраняется видимость того, что речь идет о «революционной освободительной борьбе против социального противника»⁴⁵, т. е. о прямом продолжении классово-войсковой борьбы.

Московские показательные процессы 1936—1938 годов представляют собой кульминацию конструкции фиктивных группировок врагов и их не менее фиктивных преступлений. Постоянная борьба с «объективным врагом» рождает универсальное недоверие и универсальную подозрительность. Высшей добродетелью становится бдительность, т. е. способность распознать врага, как бы он ни замаскировался.

Понятие «врага народа» показывает, что речь идет не об идеологически определенном враге в смысле марксистской теории классовой борьбы, а об опасных вредительских элементах, которые противостоят счастью Большой семьи. Словосочетание «враг народа» рождается в эпоху французской революции⁴⁶, встречается оно и в традиции народничества. Ранний Горький, например, прославляя народ в своих богостроительских трактатах, в статье «О цинизме» (1908) предостерегал художников от служения «врагам народа». Участник сборника «Вехи», в противоположность этому, видел в ненависти к «врагам народа» разрушительную черту радикальной народнической интеллигенции⁴⁷.

Чем сильнее вытеснение нежелательного, тем мощнее предстает угрожающая картина вездесущего зла. Без преувеличения можно сказать, что общества такого типа вообще не могут существовать без врагов. Для политической власти было чрезвычайно удобно свалить катастрофические ошибки строительства социализма на буржуазных специалистов, замаскированных кулаков или империалистических агентов. Кроме того, было очень выгодно приписывать врагам всяческие отвратительные поступки, на которые потом можно было «реагировать» с соответствующей жесткостью. Так, Сталин мог «обвинять фиктивного врага в преступлении, которое он сам собирался совершить»⁴⁸.

Проекция врага выполняет и другие функции, поскольку она значительно способствует психической разгрузке индивидуума в условиях экстремального идеологического давления. Смертельный страх перед тем, как бы не оказаться «уклонистом» от линии партии, постоянно гложущие сомнения и неосознанные желания можно перенести легче, если их достойное подавление воплощение находят в другом лице.

Как тоталитарное общество не может обойтись без героя, так оно не может существовать и без врага. Враг и герой — явления, обуславливающие друг друга. Пропорциональное нарастание размеров героики и образа врага можно наблюдать в советской прессе сталинского времени. Там все события распадаются на две категории — на блестящие победы героев и на злонамеренные интриги и действия вредителей. Советский пангероизм соответствует пандемонизму.

Так как негативные проекции в сталинском обществе принимают параноидальные черты, общественное сознание наводняется архаическими представлениями. На основе манихейского мировоззрения возникает фантазмагория невидимого царства зла, хаотического антимира, где происходит то же самое, что и в реальном мире, только со знаком минус. Бросается в глаза близость к демонологическим представлениям Средневековья, согласно которым подчиненные сатаны являются антагонистами небесной иерархии и врагами человека. Характерно, что в церковнославянском (и вообще в русской православной традиции) слово «враг» используется для обозначения дьявола. Поскольку сущность врагов — ложь, у них нет реального воплощения. Враги являются перед людьми в масках, которые они по выбору могут менять. Как говорит русская пословица: «У нежити своего облика нет, она ходит в личинах». Они могут выступать в облике мнимого друга или соблазнителя; по народному верованию, они также могут принимать внешность уродливых, гротескных существ или отвратительных нечистых зверей. Вспомним изображение дьявола на иконах в получеловеческом-полужверином облике, черного цвета, с рогами, с хвостом и крыльями, напоминающими о его первоначальной ангельской натуре.

Немало таких признаков встречается в сталинской демонологии. Разоблаченные «враги народа» осуждаются как «трижды презренные гады», «ужи из смрадного болота», «клубок змей», «бешеные собаки», «псы фашизма», «выродки человечества», «чудовища в образе человека» и т. д. Эти выражения говорят об их нечеловеческом, адском происхождении, но в то же время они метафорически перемещают врага в семантический ряд вредных животных или насекомых, о чем говорит, например, слово «вредитель», заимствованное из сельскохозяйственного словаря. Эта риторика навязывает мысль о необходимости истребления темной силы.

Как враг изображается в советской литературе 1920—1930-х годов? Роман «Цемент» Ф. Гладкова показывает это явление в обширном диапазоне. Он весь построен на конфликте между героическими строителями социализма во главе с Глебом Чумаловым и разными врагами, препятствующими восстановлению завода. Инженер Герман Клейст — представитель перевоспитанного классового врага. В соответствии с лозунгом о привлечении буржуазных специалистов, он раскаивается в своих поступках и перестраивается. В 1930-е годы идея перековки врагов общества в героев труда все более уступает представлению о том, что вредитель подлежит не перевоспитанию, а уничтожению.

И у Гладкова встречается тип непримиримого классового врага, обреченного на гибель. Представитель буржуазной интеллигенции Сергей Ивагин, перешедший на сторону советской власти, берет в плен своего кровного брата Дмитрия, лютого врага революции. Ясно, что о пощаде не может быть речи. Сцена дана в мрачном драматическом колорите. Тревожная встреча с одноруким братом происходит «под стать чертовой ночи»⁴⁹, и ранние редакции романа содержат намек на мифический сюжет борьбы враждующих братьев.

Контрреволюционные казаки в романе представлены в зверском виде. Это «зверолюд», обитающий в лесах и выползающий «саранчой» под покровом ночи для предательской работы. «Днем враги прячутся в темных зарослях и пещерах или гуляют по городу в масках друзей революции. Они — всюду: и в рядах бойцов, и в советских кабинетах, и в домах мирных, безобидных граждан. Кто может указать их, назвать имена, раздавить их, как гадов?»⁵⁰ Это существо, обладающее демоническими приметами — они ассоциируются с темнотой и с вредными гадами, живущими в пещерах, и замаскированы они так, что их трудно распознать. Не случайно этой темной картине непосредственно предшествует разговор об эпохе «героических подвигов и титанических свершений», о том, что потомки будут помнить гигантов революционной борьбы и приходиться к их могилам, «как к неугасающим маякам»⁵¹.

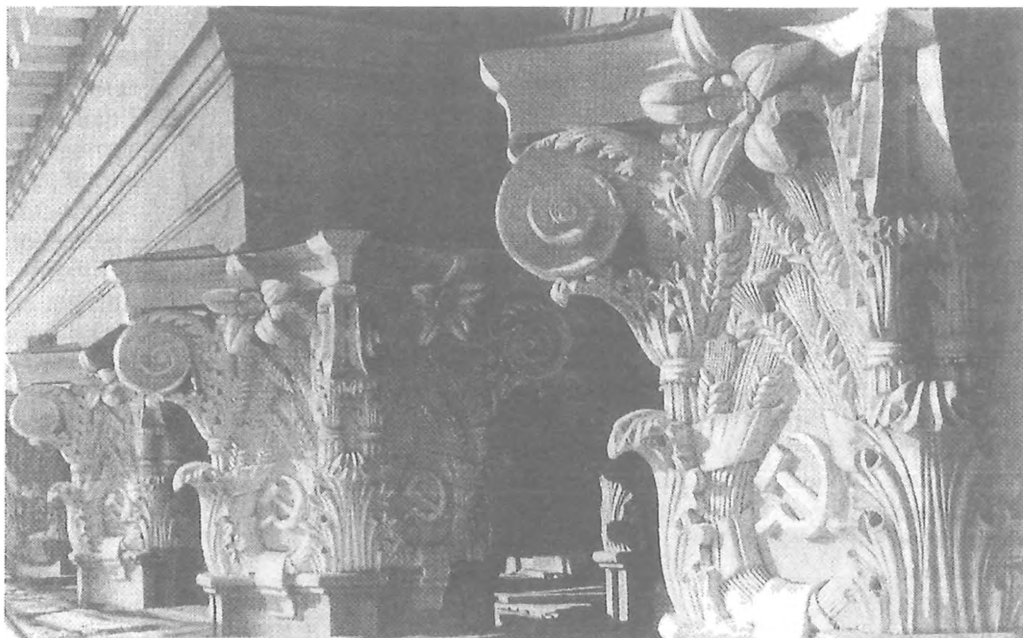
Роман не обходится без внутреннего врага. В совнархозе завода происходит «злостный саботаж под видом заседательской и бумажной суеты», и Чумалову становится ясно, «что в совнархозе шла незримая работа врагов»⁵². Распознать это гнездо могут только глаза одаренного чекистским ясновидением Чибиса, которые «не спят по ночам» и «видят сквозь стены». Чибис характеризует бюрократизм как «крепкий блиндаж и очень тонкое и часто неотразимое оружие в руках врага»⁵³.

Слово «вредитель» входит в широкое употребление во время шахтинского процесса 1928 г., когда буржуазные специалисты обвиняются в саботаже и союзе с международным капиталом. Стихотворение «Вредитель» (1928) В. Маяковского начинается со строк: «Прислушайтесь, / на заводы придите, / в ушах — / навязнет / страшное слово — / “вредитель” — / навязнут / названия шахт»⁵⁴.

Стихотворение «Лицо классового врага» (1928) посвящено обличению буржуа и кулака. Толстый буржуй с сигарой во рту и с цилиндром изменил свою внешность и стал «почти неотличим». Надо распознать его по разным приметам, например, по тому факту, что ему нравятся «Дни Турбиных» Булгакова. «Хотя / буржуй / и лицо перекрасил / и пузо не выглядит грузно — / он волк, / он враг / рабочего

Сахаров Г., Чернышева З. Белорусский павильон ВДНХ. (Фрагмент)

*Алабян К., Симбирцев В. Театр Советской Армии, Москва (1934—1940).
Детали капителей колонн.*

класса, / он должен быть / понят / и узнан»⁵⁵. Сходным образом описывается и новый кулак. Обе части заканчиваются рефреном: «Сдавай / добродушие / в брак. / Товарищи, / помните: между нами / орудует / классовый враг»⁵⁶. С тех пор тема бдительности и обличения скрытых вредителей стала повседневной.

Во второй половине 1930-х годов враг становится чуть ли не главным персонажем. Печать времени лежит и на повести А. Макаренко «Флаги на башнях» (1938), в которой педагог рассказывает о своей работе в Коммуне имени Дзержинского. Боевой фронт производства описывается в терминах оперативной сводки. Разные диаграммы сообщают об атаках красных против синей линии врагов. На этом фоне рассказывается о происках вредительских элементов. Уже исчезновение занавеса перед праздником Первого мая трактуется как вредительский заговор. «Тут и Повесько орудовал. Тут, понимаете, настоящий враг, да и не один»⁵⁷. В центре главы «Враги» — воровство бригадира Рыжикова, который в свою очередь действовал по наущению саботажника Баньковского. Оказывается, он «вовсе был не товарищем, а если и был дежурным, так это был дежурный враг»⁵⁸. После обличения Рыжикова секретарем выбирают Игоря Чернявина как человека с далеким глазом, который первым говорил, что Рыжиков — враг. Убийство Кирова окончательно открывает всем глаза. Колонисты видели, «как опасен и скрытен может быть враг, и они готовились встретить его в жизни с нескрытой, уничтожающей ненавистью, встретить в самом начале его предательства»⁵⁹. Показательно, что документальный материал из истории Коммуны им. Дзержинского, лежавший в основе «Педагогической поэмы» (1933—1936), не содержал никакого намека на саботажников. К тому же, автор перенес действие романа, которое изначально происходило около 1932 году, в 1934-й, чтобы можно было «вкомпоновать» убийство Кирова в финал повести⁶⁰.